

РАЗДЕЛ III. ИСТОРИЯ РОССИИ СРЕДНИХ ВЕКОВ И НОВОГО ВРЕМЕНИ

УДК 94(470) “1812”

Травникова Е.Г.

*Академия переподготовки работников искусства,
культуры и туризма (г. Москва)*

ПОНЯТИЕ «ОТЕЧЕСТВО» И РУССКОЕ ОБЩЕСТВО В ПЕРИОД ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 г.

E. Travnikova

Academy of Retraining in Arts Culture and Tourism, Moscow

THE CONCEPT OF “MOTHERLAND” AND THE RUSSIAN SOCIETY IN THE PATRIOTIC WAR OF 1812

Аннотация. Цель, которую ставит перед собой автор статьи, заключается в рассмотрении одного из основных понятий в мировоззрении русского общества первой трети XIX в. – понятия Отечество. Хронологические рамки статьи связаны с одним из главных потрясений первой трети XIX в. – Отечественной войной 1812 г. В этот момент окончательно складывается современное нам смысловое наполнение категории Отечество и наиболее ярко проявляется любовь к Отечеству – патриотизм.

Ключевые слова: мировоззрение, понятие «Отечество», Отечественная война 1812 г., патриотизм, русское общество.

Abstract. The author reviews the concept of “Motherland”, one of the main concepts in the outlook of the Russian society of the first third of 19th century. The period described in the article is connected with The Patriotic War of 1812, one of the greatest shocks in the first third of 19th century. By that time the concept of “Motherland” had gained the same meaning we see in it now. The author states that love for Motherland and patriotism were most evident in that period.

Key words: worldview, concept of «Motherland», the Patriotic War of 1812, patriotism, Russian society.

Мировоззрение любого общества, которое, по сути своей, является кодексом повседневного поведения, регламентацией бытовой жизни, базируется на соединении основополагающих понятий. Каждая историческая эпоха предлагает свои условия для формирования кодекса, выдвигая те или иные его составляющие на приоритетные позиции. Медиевист А.Я. Гуревич в своей работе «Категории средневековой культуры» подчёркивал, что «поступки людей мотивировались ценностями и идеалами их эпохи и среды. Не учитывая в полной мере ценностные ориентации и критерии, которыми вольно или невольно руководствовались люди

в обществе, мы не можем претендовать на понимание их поведения и, следовательно, на научное объяснение исторического процесса» [6, с. 17].

Изучение таких краеугольных понятий культуры, как *Отечество*, *Патриотизм*, *Долг*, *Честь*, дают нам наиболее полную картину при изучении той или иной эпохи, а также ключ к пониманию истоков происходящих современных социальных процессов. С другой стороны, изучение этих явлений не может быть обособленным как друг от друга, так и от эпохи бытования.

Для людей XIX в. кодекс был не менее важен, чем для средневекового общества. Безусловно, это объясняется теми нравственными идеалами, которые были продиктованы и воспитаны историческими и культурными настроениями эпохи. Человек XIX в. мыслил кодами, стереотипами, которые были заложены на подсознательном уровне. И тут, безусловно, нельзя обойти вниманием преобладание бинарного мышления в оценке событий. Так, русское дворянство волей или неволей мыслило категориями «правда – неправда», «честь – бесчестье». Таким образом, под эти категории подпадало и понимание начавшейся войны с Наполеоном. Война со стороны нападавших была «неправедной», а потому противной Богу. Один из участников Отечественной войны Д.В. Душкевич писал: «Итак, сбылись великие слова: «На начинающего Бог!». Французы начали войну неправды и не осталось врага ни единого на земле русской – погибель пошла по рядам их! Благодарение вечное Всемогущему Богу, умудрившему Россию на защиту, и вечная слава русскому Царю Благословенному и отечеству» [8, с. 120].

К началу XIX в. идеологическая основа российской жизни базировалась на фундаменте союза монархической власти и православия. Что отнюдь не шло в разрез с процессами десакрализации культуры и повседневной жизни, которые активизировались ещё при Петре I. В общественном сознании православие являлось единственно правильной и истинной религией, той, которая связывала настоящее с прошлым, а монархическая власть оказыва-

лась земным воплощением высшей воли. И то, и другое требовало от подданных, народа подчинения и соблюдения правил жизни, унаследованных от предков. Постепенный процесс десакрализации расставил приоритеты между светской властью и властью церковной, но при этом отнюдь не исключил духовную составляющую жизни русских людей. Граф Е.Ф. Комаровский в своих «Записках» приводит диалог Наполеона с посланником Александра I, в котором, кроме всего прочего, вопрос зашел и о религиозной стороне жизни:

«– Вы знаете Москву? Большая деревня, где видно множество церквей, к чему они? В теперешнем веке перестали быть набожными».

На сие Балашов отвечал:

– Я не знаю, ваше величество, набожных во Франции, но в Гишпании и в России много ещё есть набожных» [11, с. 383].

Монархия и православная вера, соединившись в сознании, стали основой для развития краеугольного понятия для русской культуры – *Отечество*. Собственно формирование современного нам смысла произошло к концу XVIII в., когда понимание географического *Отечества* совпадало с Государством, а понятие *Родина* ещё не стало синонимом *Отечества* и оставалось лишь обозначением родного дома, дома предков, места, откуда человек вышел [17, с. 170]. В «Записках» С.Н. Глинки мы читаем: «После 1812 года в первый раз в половине 1834 года посетил я свою родину... Родина моя теперь в постороннем владении; но я видел следы праотцов моих; я видел липы, вязы и дубы, насажденные рукой моего прадеда...» [5, с. 7]. На это же указывает и В.В. Виноградов, отмечая: «Слово родина в языке Пушкина не имело того острого общественно-политического и притом революционного смысла, который был связан со словом отечество (и, отчасти, со словом отчизна). Достаточно сослаться на употребление слова родина в стихотворениях: (...) «На возвращение государя императора из Парижа в 1815 году (Александрю)», «К Овидию», в поэмах «Руслан и Людмила»,... «Кавказский пленник» (...) и

«Истории Пугачёва». Значение слова «родина» ярко выступает в связи с тем циклом образов, который предназначался к «Повестям Белкина», а затем нашёл себе место в «Истории села Горюхина» и позднее в «Дубровском». Отрывок из «Дубровского»: «Через десять минут въехал он на барский двор. Он смотрел вокруг себя с волнением неописанным. Двенадцать лет не видел он своей родины. Берёзки, которые при нём только что были посажены около забора, выросли и стали теперь высокими ветвистыми деревьями» [1, с. 999].

Такие категориальные понятия, как *Отечество* и *Патриотизм* имеют необходимую функциональную нагрузку, которая проявляется в моменты наибольшего исторического напряжения. Таким моментом для русской культуры XIX в. стала Отечественная война 1812 г. Спустя столетие оценка Отечественной войны не сильно отличалась от оценок, которые давали современники: «Война Двенадцатого года стала великим национальным событием. Упорство и единодушие борьбы свидетельствовали о сильном народном чувстве; война должна была подействовать на современников, как общее дело, в котором приняли участие все слои народа, и осталась историческим воспоминанием, которое поддерживало веру в силы народа и в его будущее» [14, с. 273].

По свидетельствам государственных деятелей, начало войны не было неожиданным, но вполне ожидаемым, ведь Россия, как и Франция, жила в предчувствие войны с того момента, как был подписан Тильзитский мир (1807 г.). Государственный секретарь М.М. Сперанский писал: «Самый мир заключал в себе почти все элементы войны. Ни России с точностью его сохранить, ни Франции верить его сохранению не возможно» [16, с. 57]. Но даже, несмотря на всю неизбежность военного столкновения, русское общество оказалось совершенно к нему не готово. Общество, хотя и прислушивалось к слухам о возможно скорой войне, но отнюдь не верило в то, что война придёт к ним в дом.

В многочисленных документах того времени, будь то официальные законодательные

акты, доклады, рескрипты или же личные воспоминания современников, письма, везде мы встречаем не только атмосферу напряжённости, страха перед идущей угрозой, но и решимости, нежелания подчиниться иноземцам. «Не одна я, – писала современница, – ощущала все ужасы 1812 года, но я и вся Россия была настолько удручена горестью, что не только моё перо, но и перо лучших писателей, не в состоянии выразить всего того, что всякий русский ощущал в душе своей, когда враги вторглись в пределы наши» [7, с. 257].

С первых дней войны произошла необычайная консолидация русского общества, которая была обусловлена тем, что оно оказалось перед перспективой потерять не только свои материальные блага (дворянство, купечество), собственную жизнь, но и в общенациональном масштабе потерять свободу, утратить национальную самоидентификацию. Недаром в документах 1812 г. мы встречаем обращение к героям прошлых веков Пожарскому, Минину: «Да найдёт он на каждом шаге верных сынов России, поражающих его всеми средствами и силами, не внимая никаким его лукавствам и обманам. Да встретит он в каждом дворянине Пожарского, в каждом духовном Палицына, в каждом гражданине Минина» [12, с. 388]. Такое проведение параллелей оказывается абсолютным показателем времени, ввиду того, что такой масштабной угрозы собственной независимости Россия не видела более века. Большинство войн, в которых Российская империя участвовала, преимущественно проходили за пределами её территории, не угрожали обыденной жизни, а иностранные войска не были столь близки к столице. В поэтических произведениях того времени, как и в письмах, мы встречаем не только сравнение с временами иностранной интервенции начала XVII в., но и с нашествием войск Тамерлана.

Желание противостоять врагу, оказать собственное посильное участие в защите Отечества приобрело различные формы. Известно, что первый рескрипт Александра I к графу Н.И. Салтыкову, его речь перед

московским дворянством и купечеством и «воззвание...» произвели в обществе необычайное движение [10, с. 353-354; 2, с. 46]. Е.Ф. Комаровский в своих «Записках» приводит речь императора: «Вам известна, знаменитое дворянство, причина моего приезда. Император французов вероломным образом, без объявления войны, с многочисленною армиею, составленною из порабощённых им народов, вторгнулся в нашу границу. Все средства истощены были, – сохраняя однако же достоинство империи, – к отвращению сего бедствия; но властолюбивый дух Наполеона, не имеющий пределов, не внимал никаким предложениям. Настало время для России показать свету её могущество и силу. Я в полной уверенности взываю к вам: вы, подобно предкам вашим, не потерпите ига чуждого, и неприятель да не восторжествует в своих дерзких замыслах; сего ожидает от вас ваше отечество и государь» [11, с. 386].

Война велась не только на фронтах, но и на идеологическом поле, когда русское общество сознательно подготавливалось к необходимости противостоять наполеоновской Франции. Так, ещё до вторжения войск Наполеона государственный секретарь Александра I – А.С. Шишков опубликовал своё «Рассуждение о любви к Отечеству...», в котором вполне концептуально была высказана патриотическая позиция по вопросу определения Отечества, методов служения ему. Среди прочего, автор высказывался за отказ от иностранного воспитания и за приоритет родного языка, который по его выражению «есть душа народная, зеркало нравов, верный показатель просвещения, неумолчный проповедник дел» [18, с. 44]. Во многом благодаря этому «рассуждению» в период войны сформировалась формула триединства «За Веру! Царя! Отечество!». Фигура императора позиционировалась как гарантия единства и силы Отечества перед лицом любых неприятностей, к тому же за верность монархии говорило и прошлое империи. На протяжении всей войны мы наблюдаем проявления патриотических настроений, которые выражались не только в выполнении служебного

долга. Так, например адмирал А.В. Ушаков, который к началу Отечественной войны уже был в весьма почтенном возрасте, на предложение возглавить дворянское ополчение дал следующий ответ: «С отличным усердием и ревностью желал бы я принять на себя сию должность и служить Отечеству, но с крайним сожалением за болезнью и великою старостью здоровья принять её на себя и исполнять никак не в состоянии и не могу. Посему и прошу почтеннейшее дворянское собрание меня от оной уволить и избрать другого» [9, с. 133-134]. Самая распространённая помощь выражалась в сборе пожертвований на созвездие Земских ополчений, об этом сохранилась масса свидетельств, начиная от императорских манифестов [4, с. 386-387; 12, с. 388] и заканчивая частными заметками. Генерал Волконский писал: «Граф Мамонов не токмо формирует полк, но и целым имением жертвует. Демидов так же даёт полк, и все набирают офицеров. Народ весь в волнении, старается узнать о сём наборе. Формировать полки хотят пешие и конные, принимать людей без меры и старее положенного...» [3, с. 138]. Интересным событием стала организация, под покровительством императрицы Елизаветы Алексеевны, Женского Патриотического общества, которое имело своей целью помощь пострадавшим от французского нашествия. Общество занималось сбором не только денежных средств, но вещей для нуждающихся. С.Н. Глинка, писал: «Под непосредственным покровительством императрицы Елизаветы Алексеевны составилось в Петербурге женское Патриотическое Общество. Многие из матерей, жён и дочерей наших героев вступили в оное. Тут во всей силе явилось торжество милосердия! Тысячи семейств, скитавшихся без пристанища, немедленно были разысканы, привезены и оживлены на поприще скорбного их бытия» [5, с. 309].

Начало войны с Наполеоном привело дворянское общество России в необычайно взволнованное состояние, дало новую возможность послужить на благо Отечества. Следует отметить, что ранее отправленные в отставку Павлом I офицеры и генералы

получили шанс проявить себя и вернуться к привычной военной жизни, а молодёжь александровской эпохи рвалась выказать собственную верность Отечеству, послужить на благо Отечества.

Первые месяцы войны оказались тяжёлым испытанием для русского дворянства, прежде всего в материальном отношении, о чём мы читаем в мемуарах Н.Н. Муравьёва: «Служба наша не была видная, но трудовая; ибо не проходило почти ни одной ночи, в которую бы нас куда-нибудь не посылали. Мы обносились платьем и обувью и не имели достаточно денег, чтобы заново обшиться. Завелись вши. Лошади наши истощали от беспрерывной езды и от недостатка в корме... Я жил в кавалергардском полку у Лунина в шалаше. Хотя он был рад принять меня, но я совестился продовольствоваться на его счёт... Положение моё всё хуже становилось: слуги у меня не было, лошадь заболела мытом, а на покупку другой денег не было» [13, с. 94-95]. Одновременно с таким сложным материальным положением, в котором оказывались часто защитники Отечества существовало и иное восприятие происходящего: всеобщее воодушевление, вера в то, что они, граждане, исполняют свой долг и служат на благо *Отечества*.

Для воодушевления общества, поднятия патриотических настроений служили многочисленные рескрипты императора, воззвания церкви, листовки походных типографий, листовки московского генерал-губернатора. Безусловно, все эти документы выражали официальную позицию и демонстрировали единство правительства и народа, а необходимый результат достигался как за счёт апелляции к славному прошлому русского оружия, так и «Божьей милости»: «Православные, будьте спокойны! Кровь наших проливается за спасение отечества. Наша готова; если придёт время, то мы подкрепим войска. Бог укрепит силы наши, и злодей положит кости свои в земле Русской» [15, с. 217].

Значимыми являются и слова первого военного документа – рескрипта графу Н.И. Салтыкову, в котором Александр декларирует

и свою решимость противостоять «непобедимой армии» и упование на верность народа и покровительство Всевышнего: «...не остаётся Мне иного, как поднять оружие, и употребить все врученные Мне Провидением способы к отражению силы силою. Я надеюсь на усердие Моего народа и храбрость войск Моих. Будучи в недрах домов своих угрожаемы, они защитят их со свойственной им твёрдостью и мужеством. Провидение благословит праведное Наше дело. Оборона Отечества, сохранение независимости и чести принудили Нас перепоясаться на брань. Я не положу оружия доколе ни единого неприятельского воина не останется в Царствии Моём» [10, с. 353-354]. Стиль и настроение этого рескрипта превращают начавшуюся войну в *Священную*, такую, что сродни былинному противостоянию *Добра и Зла*. Отсюда возникает понимание праведности, освящённой Богом, поддержка и милость которого подчёркивается во всех последующих документах. Упование на Божью помощь читается и во всех документальных свидетельствах войны.

Отечественная война 1812 г., как никакое иное событие, вызвала к жизни всплеск патриотических чувств, стремление встать на защиту дорогого Отечества. *Отечество* понималось современниками как квинтэссенция православной веры, монархической власти, сумевших объединить народные стремления к созданию блага Отечества.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ:

1. Виноградов В.В. История слов. – М.: Институт русского языка РАН, 1999. – 1138 с.
2. Воззвание к императору Александра I к первопрестольной столице от 6 июля 1812 г. // Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года. – М., 1962. – С. 46.
3. Волконский Д.М. Дневник 1812 // 1812... Военные дневники. – М., 1990. – С. 132-184.
4. Высочайше утверждённое предложение Великой Княгини Екатерины Павловны, изъяснённое в отношении к Министру Уделов, Гурьеву, – О сборе на временное ополчение воинов с имения, удел Её Высочества составляющего от 3 июля 1812 г. // ПСЗ РИ, Собр. 1, Т. XXXII. – СПб., 1830. – С. 386-387.
5. Глинка С.Н. Записки. – М.: Захаров, 2004. – 464 с.

6. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. – М.: Искусство, 1984. – 350 с.
7. Двенадцатый год в записках Анны Ильинишны Золотухиной // Русская старина. 1889. Ноябрь. – С. 257-288.
8. Душкевич Д.В. Из воспоминаний // 1812 год в воспоминаниях современников. – М., 1995. – С. 110-130.
9. Известия Тамбовской губернии учёной архивной комиссии. – 1882. – № 56. – С. 133-134.
10. Именной рескрипт графу Салтыкову О необходимости поднять оружие к отражению Французских войск от Российских пределов. от 13 июня 1812 г. // ПСЗ РИ, Собр. 1, Т. XXXII. – СПб., 1830. – С. 353-354.
11. Комаровский Е.Ф. Записки // Комаровская Е.Л., Комаровский Е.Ф. Воспоминания. – М.: Захаров, 2003. – С. 227-439.
12. Манифест. – О сборе внутри Государства земского ополчения. от 6 июля 1812 г. // ПСЗ РИ, Собр. 1, Т. XXXII. – СПб., 1830. – С. 388.
13. Муравьев Н.Н. Записки. // Русские мемуары. Избранные страницы. 1800-1825. – М.: Правда, 1989. – С. 57-158.
14. Пыпин А.Н. Исторические очерки. Общественное движение в России при Александре I. – СПб., 1908. – С. 587.
15. Ростопчин Ф.В. Афиши 1812 года, или дружеские послания от главнокомандующего в Москве к жителям её // Ф.В. Ростопчин. Ох, французы! – М.: Русская книга, 1992. – 336 с.
16. Сперанский М.М. Записки М.М. Сперанского о вероятности войны с Францией // Русская старина. – 1900. – № 101. – С. 57-65.
17. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка, в 4 т. – Т. 3. – М., 1987. – 491 с.
18. Шишков А.С. Рассуждение о любви к Отечеству, читанное в 1812 году в Беседе любителей русского слова // А.С. Шишков. Огонь любви к Отечеству. – М.: Институт Русской Цивилизации, 2011. – С. 23-47.